

Было бы, однако, неверно думать, что Карамзин от первого до последнего тома своей истории последовательно и неукоснительно придерживался именно тех принципов и соображений, которые были им высказаны в предисловии. По своей природе «художественные» элементы «Истории государства Российского» далеко не однозначны и восходят к разным источникам: это и традиции античной историографии, и своеобразное преломление исторического аналитизма Юма, и философско-исторические воззрения Шиллера. Карамзин не мог не учитывать также традиции русской историографии XVIII в., не прислушиваться к тем суждениям о принципах и задачах исторического сочинения, которые высказывали его современники. Собственная повествовательная система оформилась не сразу и не оставалась неизменной на протяжении двенадцати томов. Имея в виду всю реальную сложность и пестроту эстетических красок, которые использовались Карамзиным вопреки своим собственным теоретическим взглядам, можно тем не менее говорить об основной и важнейшей тенденции повествовательного стиля «Истории» — ее специфическом «летописном» колорите.¹⁴

В русской летописи Карамзину открывался мир с непривычными и во многом непонятными для «просвещенного» разума философскими и этическими измерениями. Две системы мысли неизбежно приходили в соприкосновение, и Карамзин, сознавая это, считал необходимым вести повествование на двух самостоятельных и самоценных уровнях: «летописном», предполагающем наивный и простодушный взгляд на вещи, и собственно историческом, как комментирующем «летописный». Приводя, например, в первом томе рассказ летописца о «мести и хитростях ольгиных», Карамзин одновременно поясняет, почему он, историк, повторил «несторovy простые сказания». «Летописец, — говорит Карамзин, — сообщает нам многие подробности, отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностью истории; но как истинное происшествие должно быть их основанием и самые басни древние любопытным для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени, то мы повторим несторovy простые сказания».¹⁵

Далее следовал пересказ легенды, выдержанный в исключительно точной поэтической тональности. Таких «пересказов», и весьма художественных, в первых томах немало. Так, в рассказе о «хитростях Ольги» перед нами предельно близкий к летописному образ коварной жены убитого князя, задумавшей жестокую месть древлянам. На простодушное приглашение древлянских послов стать женой их князя «Ольга с ласкою ответствовала: „Мне приятна речь вапа. Уже не могу воскресить супруга. Зав-

¹⁴ См. об этом подробнее: *Лузянина Л. Н.* «История государства Российского» и трагедия Пушкина «Борис Годунов» (К проблеме характера летописца). — *Русская литература*, 1971, № 1, с. 45—57.

¹⁵ *История государства Российского*, т. 1, с. 160.